

ББК 71.0

П.К. Дашковский, Н.С. Гончарова

Методологические подходы к изучению мировоззрения населения Южной и Западной Сибири эпохи палеометалла: историографический аспект*

P.K. Dashkovskiy, N.S. Goncharova

Methodological Approaches to the Study of the Worldview of the South and East Siberia Population in the Paleometal Era: Historiographical Aspect

Становление многообразия подходов к изучению мировоззрения населения Южной и Западной Сибири эпохи палеометалла происходит на протяжении XX – начала XXI в. Первоначальный традиционный подход дополнился впоследствии структурно-семиотическим направлением и теорией изобразительных инвариантов. На современном этапе обозначилась тенденция к синтезу методологических оснований, что обусловило возможность комплексного рассмотрения мировоззрения древнего населения в контексте культурно-исторических процессов.

Ключевые слова: традиционный подход, структурно-семиотический подход, теория изобразительных инвариантов, синтез методологий.

Изучение мировоззрения населения Южной и Западной Сибири эпохи палеометалла ведется учеными уже на протяжении многих десятилетий. При этом сложилось несколько основных подходов к исследованию данной проблематики, обусловленных спецификой источниковой базы, методологии и общим состоянием отечественной исторической науки. Данная публикация посвящена краткой характеристике таких направлений мировоззренческих реконструкций.

Первое направление можно условно назвать «традиционным». Основной его особенностью является проецирование данных этнографии на археологические источники в процессе изучения древних верований и обрядов. Формирование такого подхода связано со становлением и развитием этнографической науки в конце XIX — первой половины XX в., что также приводило к накоплению огромного количества материалов по духовной культуре разных народов. В этот период в зарубежной и отечественной науке активное распространение получало эволюционистское направление изучения истории человечества. Проявила себя эта тенденция и в отношении исследования ранних форм религии [1]. В этой связи не случайно большой популярностью у оте-

Various approaches to the study of the worldview of the South and East Siberia population in the paleometal era took place in the XXth – early XXIst centuries. Original traditional approach was supplemented by structural-semiotic approach and by the theory of the graphic invariants. Now there is a tendency to the synthesis of methodological bases that made possible to consider religious-mythological systems of the ancient population in the context of the cultural and historical processes.

Key words: paleometal era, Siberia, worldview, burial rite, art, methodology, methods, reconstruction.

чественных ученых пользовались работы Д. Мак-Ленана, Р. Смита, Э. Тайлора, Л. Леви-Брюля, Дж. Фрэзера и других крупнейших европейских этнографов, антропологов и религиоведов. Однако это не означало, что российские исследователи находились целиком под влиянием концепций своих зарубежных коллег. В данном случае уместно заметить, что многие вопросы, связанные с изучением религии и мифологии, часто поднимались учеными разных стран независимо друг от друга, но иногда в сходном направлении исследований. В этом отношении показательны взгляды Д. Н. Анучина, Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораза и других отечественных этнографов, которые рассматривали возможность экстраполяции этнографических материалов при изучении ранних форм религии, а также использование этноархеологического метода [2–4]. Последний метод в сочетании со сравнительно-религиоведческим приемом был особенно популярен в творчестве Д. А. Анучина, уделявшего важное внимание семантике археологических предметов и реконструкции соответствующих религиозных представлений [2, с. 37]. В отечественной науке заслуженной популярностью пользуются также работы С. А. Токарева, в которых в емкой форме излагались основные особенности ранних

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №13-21-03001а/Г, тема «Этнокультурные и политические процессы как факторы исторической динамики религиозной ситуации в трансграничном пространстве юга Западной Сибири и Западной Монголии»).

форм религии. Важно подчеркнуть, что С. А. Токарев делал особый упор на социальный аспект сущности религии, а не на догматические принципы, вероучение и т. п. [5–10]. Несмотря на то, что в религиоведческих разработках С. А. Токарева были дискуссионные моменты [11; 12, с. 433–435; 13, с. 144; 14], тем не менее, его концепция, увязывающая социальный и религиозный аспекты развития, была особенно популярна у отечественных историков и археологов.

Указанные теоретические разработки и выводы этнографов относительно ранних форм религии, безусловно, стимулировали изучение религиоведческой проблематики и на археологическом материале. Исследователи полагали, что универсальные особенности мифологического мышления, отраженного в древнем искусстве, позволяют экстраполировать данные о верованиях одних народов на религиозные системы других. Особенно это оправданно, если сопоставляемые народы проживали в сходных природных условиях и у них был похожий образ жизни [15, с. 22–24; 16, с. 7–10]. Данное традиционное направление вполне успешно реализовано при изучении мировоззрения населения Сибири эпохи палеометалла в творчестве М. Ф. Косарева [17, 18], Е. Г. Дэвлет и М. А. Дэвлет [19], В. И. Молодина [20], В. Д. Кубарева [21; 22] и других ученых. В то же время нельзя не отметить, что среди исследователей высказываются определенные критические замечания в отношении такого направления мировоззренческих реконструкций. Прежде всего исследователи указывают на степень правомерности проецирования этнографических данных на археологический материал, учитывая разнопорядковость культур и значительный временной разрыв. При этом имеющиеся сходства далеко не всегда могут служить индикатором родственности, преемственности или культурных контактов народов. На наш взгляд, проецирование этнографических данных на археологический материал оправдано, во-первых, когда можно ретроспективно в рамках историко-этнографического подхода проследить развитие мировоззрения народов, связанных генетически; во-вторых, когда изучается мировоззрение древнего населения для выявления так называемых мифологических универсалий, т. е. данных об одинаковых представлениях у разных народов мира. Показательной в этом отношении является мифологема, например, модели мира в виде символического мирового древа, мировой горы и т. п. С наиболее полным обоснованием существования универсалий в отечественной науке выступал В. Н. Топоров [23–26]. Кроме того, совместно с В. В. Ивановым он высказал гипотезу о том, что моделирование мира, характерное для древних обществ, может проявляться в языковых текстах, социальных институтах и материальной культуре [27]. Такие принципы были восприняты многими отечественными учеными при изучении религиозно-мифологических систем разных народов. При этом нельзя не отметить, что есть и противники концепции

мифологических универсалий, отстаивающие позицию исключительности мифологии каждого народа. Среди сторонников данной точки зрения нужно отметить прежде всего Ю. Е. Березкина [28].

Во второй половине XX в. особую значимость приобретали исследования в области индоевропейской мифологии и языка, проводимые В. Н. Топоровым [25; 26], М. М. Маковским [29], Л. А. Лелековым [30–32], И. В. Раком [33], Т. Я. Елизаренковой [34–38], Г. М. Бонгард-Левиным и Э. А. Грантовским [39], И. М. Дьяконовым [40; 41] и другими учеными. В контексте изучения мировоззрения населения Сибири эпохи палеометалла необходимо подчеркнуть, что важным открытием данного периода явилось формирование концепции индоиранской атрибуции памятников андроновской культурно-исторической общности [42; 43, с. 38; 44, с. 211; 45, с. 81–83]. Данная концепция стала приобретать более широкий размах после открытия и исследования знаменитого комплекса памятников Синташта и городища Аркаим на территории Южного Приуралья [46–49]. Сделанные открытия дали основания для привлечения текстов Ригведы при интерпретации археологических древностей эпохи развитой бронзы степной полосы Евразии [50–52]. Таким образом, второй подход связан с выявлением в мировоззрении населения эпохи развитой бронзы верований и обрядов, интерпретировать которые можно в русле индоиранской (индоарийской) религиозно-мифологической традиции.

В 60-е гг. XX в. отмечается всплеск интереса к зарубежному научному опыту в области гуманитарных исследований, в том числе и в изучении духовной культуры. Во многом такая ситуация обусловлена спецификой социально-политических процессов в СССР в тот период, приоткрывших завесу для интеграции, хотя и подконтрольной, отечественных и зарубежных ученых. При этом нельзя не учесть, что в западной исторической науке происходило формирование новых методологических парадигм, что неизменно отражалось и на изучении древней истории, в том числе по археологическим данным [53, с. 53–54; 54]. Кроме того, господствовавшие в первую половину XX в. тотемическая, а затем и магическая концепции, постепенно сменяются с 60-х гг. XX в. мифологической, представленной в работах А. Ламинь-Эмперер, А. Леруа-Гурана и многих других исследователей [19, с. 72–78; 55, с. 25; 56; 57]. Последнее обстоятельство явилось важным фактором, открывшим новые горизонты в изучении и интерпретации наскального искусства Северной Азии, хотя ученые, кроме мифологической составляющей древнего искусства, указывали и на наличие в нем отдельных реалистических мотивов [58]. Учитывая отмеченные обстоятельства, вполне закономерным является появление в последующие десятилетия новых методологических подходов к изучению мировоззрения древнего населения, особенно с акцентом на интерпретацию произведения искусства. В по-

следнем случае следует отдельно остановиться на концепции Я. А. Шера. Ученый предложил производить стилистический анализ первобытного искусства, заключающийся в анализе плана выражения. Особенностью такого анализа является расчленение образа на составляющие элементы, выделение элементов плана выражения и их сравнение с элементами плана выражения других памятников [59, с. 42].

В совместной работе И. С. Каменецкого, Я. А. Шера и Б. И. Маршака [60, с. 45] показана возможность формализации языка описания изображений для максимально объективной интерпретации. При этом ученый в дальнейших публикациях подчеркивает неизбежную индивидуальность восприятия при словесном описании петроглифов, неадекватность образного языка наскальных изображений и метаязыка (языка словесного описания) и невозможность точного «перевода» [59, с. 50]. Основными «терминами» метаязыка должны быть сами графические элементы изображения или такие их словесные эквиваленты, которые позволяют давать эксплицитное описание. Составление метаязыка по таким правилам позволяет сегментировать рисунки на планы выражения и планы содержания и реализовать процедуру типологической классификации на ЭВМ, что дает возможность сравнивать рисунки по единому перечню качественных и количественных признаков [59, с. 51].

Характеризуя сравнительно-исторический и семиотический подходы, ученый указывает, что их необходимо объединить как подход к вещам и подход к текстам, акцентируя внимание не на механическом соединении, а на попытке выйти на качественно иной уровень. Концепция Я. А. Шера была высоко оценена коллегами [61; с. 11; 62, с. 59]. При этом А. П. Окладников совершенно справедливо отметил, что работа Я. А. Шера «Петроглифы Средней и Центральной Азии» заслуживает особого внимания, поскольку в ней четко просматривается новая методология изучения и дешифровки древнего искусства [63, с. 5].

Нельзя не отметить, что Я. А. Шер [59, с. 4–5] принял попытку очертить общие контуры теории «языка» первобытного искусства как особой системы визуальных сообщений, которые по аналогии с лингвистическими методами можно рассматривать в плане содержания (сюжет) и в плане выражения (стиль). По его мнению, каждое изображение содержит как содержательные (семантические), так и выразительные (стилистические) элементы. Первые имеют меньшую изменчивость в пространстве и времени, поэтому, следовательно, не могут служить надежным основанием для классификации изображений по культурам и периодам, тогда как вторые должны выступать основными индикаторами этнокультурных и хронологических привязок. Кроме того, в связи с возникающими сложностями выделения указанных типов определяются иконографические изобразительные элементы, устойчивые и повторяющиеся

от одного изображения к другому [59, с. 11, 42]. Ученый подчеркивает, что один и тот же по своему содержанию образ может быть передан разными изобразительными средствами. Это, в свою очередь, допускает аналогию с языками, которые одно и то же понятие передают разными звуками, словами и словосочетаниями. Иначе говоря, различные «изобразительные языки» пользуются разными изобразительными средствами для передачи одного и того же понятия. Для того же, чтобы показать различные образы средствами одного изобразительного языка, используются похожие или одинаковые художественные средства, т. е. стандартные элементы, не меняющиеся при переходе от одного рисунка к другому, в том числе и для разных по содержанию изображений. Те элементы образов, которые при преобразовании других частей остаются неизменными и устойчиво повторяются на разных по содержанию изображениях, автор называет изобразительными инвариантами. Таким образом, сущность иконографического инварианта заключается в неизменности при одновременной трансформации содержания образа [59, с. 28–30, 32]. Следует отметить, что теория изобразительных инвариантов получила высокую оценку и широкое применение в трудах многих исследователей: И. В. Ковтуна, Ю. Н. Есина, Н. В. Леонтьева, В. Ф. Капелько и др.

В последней четверти XX в. значительное распространение в отечественной науке получил структурализм. В широком понимании — это направление в зарубежной (прежде всего французской) антропологии, разрабатывавшее проблемы структурного анализа в различных областях наук о человеке. Появлению данного течения предшествовали активные исследования в области антропологии в начале XX в. и попытки их систематизации [64]. Кризис методологических оснований антропологии стал толчком к разработке новой логики научного поиска. В работах одного из основоположников социально-культурной антропологии А. Р. Редклиффа-Брауна появляется понятие «социальная структура». Дальнейшие исследования в этой области французского этнографа, социолога и культуролога К. Леви-Стросса приводят к формированию школы в этнологии — так называемой структурной антропологии. Исследователь, анализируя культурные составляющие традиционных обществ (тотемизм, ритуальные действия, мифологические представления) как языки культуры, стремился выявить в них повторяющиеся моменты, в которых он усматривал элементы скрытой логики. Основной процедурой становится вычленение в том или ином материале «бинарных оппозиций», анализ социальных и культурных явлений [65, с. 134–137]. К. Леви-Стросс приписывает бинарности универсальный характер, хотя отмечает, что механизм человеческого мышления не сводится только к ним, он несравненно более сложен [65, с. 318–322].

Необходимо подчеркнуть, что К. Леви-Стросс выстроил прочный интеллектуальный мост между совре-

менными и бесписьменными обществами. Материалом для этого уникального строения послужила открытая исследователем в фактах культуры и многоаспектно продемонстрированная реальность человеческого мышления, единого по своим логико-семиотическим свойствам во всех известных человеческих обществах [66, с. 7; 67]. В своей работе «Структурная антропология» автор нового методологического подхода указывает, что довольно часто имеют место случаи, когда искусство народов из отдаленных районов так или иначе имеет общие черты или является практически идентичным. Схожесть типов искусства приводит к мысли об их близости, которая, в свою очередь, является, несомненно, противоречивой ввиду географических (отдаленность территории, естественные природные препятствия для проникновения) и исторических (временной фактор) условий [65, с. 152]. Однако если взглянуть на такие совпадения с точки зрения структурно-семиотического подхода, противоречия снимаются, поскольку аналогии объясняются наличием общих структур, генетически заложенных в сознании, а не культурными контактами населения. Таким образом, подход предполагает реконструкцию правил семантического отождествления на базе исследования закономерностей самих изображений. Последнее предполагает проведение сравнительного анализа изображений в рамках традиции с целью выявления основных типов изобразительных текстов, набора изобразительных элементов и правил их сочетания, т. е. изучение изобразительного языка [68, с. 25].

Структурно-семиотический подход в настоящее время успешно применяется в современных исследованиях, направленных в том числе и на реконструкцию мировоззрения населения разных исторических периодов — от эпохи палеометалла до этнографической современности. В то же время Е. В. Антонова и Д. С. Раевский [69, с. 12] справедливо отметили, что за популярностью структурно-семиотического подхода в археологии не всегда скрывается серьезное научное исследование, поэтому нередки случаи, когда ученые применяют различные понятия («язык», код, «контекст») без глубокого понимания их содержания. Более того, некоторые исследователи недостаточно четко различают такие дефиниции, как «семантическое» и «семиотическое», а также структурно-семантический и структурно-семиотический методы, рассматривая их зачастую как равнозначные. Между тем как указанные категории, так и методы, несмотря на их взаимосвязь, имеют свою определенную специфику [70, с. 574–576; 71, с. 17–28]. В данном случае уместно указать на основное отличие между двумя методами исследования, которое заключается в следующем. Семиотический метод состоит только в обнаружении знаковых схем, которые не анализируются на уровне их структурной взаимосвязи. В этой связи применение одного семиотического метода не позволя-

ет обнаружить все особенности процесса мышления и реконструировать мировоззрение как целостную знаково-символическую систему [66; 67; 72, с. 12]. В изучении религиозных систем населения Сибири эпохи палеометалла структурно-семиотический подход в определенной степени использовали такие исследователи, как Ю. Н. Есин, И. В. Ковтун, Н. В. Леонтьев, В. Ф. Капелько и др.

Характеризуя теоретические основания для реконструкции мировоззрения древнего населения, необходимо отметить, что в последнее годы наметилась тенденция к синтезу методологических подходов. Достаточно показательной в этом отношении является концепция И. В. Ковтуна. Методологической базой его исследования стал синтез отдельных положений структурализма, концепции иконографических инвариантов, формально-типологического и структурно-генетического методов исследования [73, с. 5–6]. По мнению ученого, попытка методологического синтеза различных подходов позволяет избежать серьезных минусов отдельных научных школ, использующих «чистые методологические принципы» [74, с. 5]. Применение нескольких разноплановых подходов не позволяет в обязательном порядке включать результат в конкретную теорию или концепцию для того, чтобы в очередной раз подтвердить ставшие догматическими основные положения используемой методологии.

Особый интерес представляют отдельные разработки ученого в теории иконографических инвариантов, предложенной Я. А. Шером. И. В. Ковтун поднимает вопрос о необходимости структурирования понятия «инвариант» применительно к предметам изобразительного искусства. Он предлагает трехуровневую иерархию номенклатуры термина, выделяя иконографический инвариант, собственно изобразительный инвариант и инвариант стилистический. Данная иерархия отражает способы анаграммирования в изобразительном искусстве и означает, что формальные элементы стиля изображений следует анализировать в общем контексте. Когда предметом анаграммы являлся целый сюжет, следует говорить об анаграммах на уровне стилистического инварианта, отличающимся тождеством способа сочетания стандартного набора иконографических инвариантов, что подтверждают сюжеты с высокой степенью сходства. Концепция ученого иконографических инвариантов выстроена на феномене стиля, который не укладывается в рамки обыкновенного типологического тождества. В связи с этим важно отметить, что понятие «стиль» неравнозначно искусственно созданной категории «стилистического инварианта» [74, с. 6–8]. Структура модели понятия «стиль» предполагает обозначение элементарных неизменных стилеобразующих компонентов. Частично эту функцию выполняет иконографический инвариант, который следует отличать от таксона «тип». Кроме того, ученый рассматри-

вает вопросы понимания изобразительной традиции и культурно-исторического ландшафта, акцентируя внимание на репродуктивном механизме как на основном признаке любой традиции, в том числе изобразительной, и зависимостью репродуктивности традиции от ареальных особенностей. Это, в свою очередь, позволило выявить транскультурный изоморфизм и преемственность ряда изобразительных традиций в искусстве древнего населения [74, с. 16–18].

Таким образом, на протяжении второй половины XX — начале XXI в. происходило формирование различных парадигм к изучению мировоззрения населе-

ния Южной и Западной Сибири эпохи палеометалла. Сложившийся первоначально традиционный подход, основанный на экстраполяции данных этнографии на археологические материалы, в современных исследованиях дополняется структурно-семиотическим подходом и теорией изобразительных инвариантов. Более того, в последние годы наблюдается синтез методологических оснований. Такой подход позволяет комплексно рассматривать особенности религиозно-мифологических систем древнего населения в контексте культурно-исторических процессов, а также на предмет выявления универсальных мировоззренческих констант.

Библиографический список

1. Эванс-Причард Э. История антропологической мысли. — М., 2003.
2. Алымов С. С. Дмитрий Николаевич Анучин: «естественная история человека в обширном смысле этого слова» // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. — М., 2004.
3. Сирина А. А., Роон Т. П. Лев Яковлевич Штернберг: у истоков советской этнографии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. — М., 2004.
4. Михайлова Е. А. Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. — М., 2004.
5. Токарев С. А. Религия в истории народов мира. — М., 1964.
6. Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. — М., 1964.
7. Токарев С. А. Проблемы периодизации истории религии // Вопросы научного атеизма. — М., 1976. — Вып. 20.
8. Токарев С. А. О религии как социальном явлении (мысли этнографа) // Советская этнография (СЭ). — 1979. — № 3.
9. Токарев С. А. Еще раз о религии как социальном явлении (ответ моим критикам) // СЭ. — 1981. — № 1.
10. Токарев С. А. Ранние формы религии. — М., 1990.
11. К итогам дискуссии по статье С. А. Токарева «О религии как социальном явлении» // СЭ. — 1981. — № 1.
12. Козлов С. Я. Сергей Александрович Токарев: «этнографический университет» // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. — М., 2004.
13. Лещенко В. Ю. О функциях религии в первобытном обществе (С. А. Токарев — религиовед) // Благодарим судьбу за встречу с ним (о Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке). — М., 1995.
14. Чеснов Я. В. По страницам работ С. А. Токарева о происхождении и ранних формах религии // СЭ. — 1999. — № 5.
15. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — М., 1950. — Ч. 1–2.
16. Грязнов М. П. Древнее искусство Алтая. — Л., 1958.
17. Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. — М., 1991.
18. Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. — М., 2003.
19. Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. — М., 2005.
20. Молодин В. И. Древнее искусство Западной Сибири (Обь — Иртыш. Лесостепь). — Новосибирск, 1992.
21. Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола. — Новосибирск, 1988.
22. Кубарев В. Д. Памятники каракольской культуры Алтая. — Новосибирск, 2009.
23. Топоров В. Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 308: Труды по знаковым системам. — Тарту, 1973. — Т. VI.
24. Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки естественнонаучных знаний в древности. — М., 1982.
25. Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. — М., 2010. — Т. I.
26. Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. — М., 2010. — Т. II.
27. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. — М., 1965.
28. Березкин Ю. Е. Об универсалиях в мифологии // Теория и методология архаики: I. Стратиграфия культуры; II. Что такое архаика: материалы теоретического семинара. — СПб., 2003.
29. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. — М., 1996.
30. Лелеков Л. А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в п. п. I тыс. до н. э. // История и культура народов Средней Азии. — М., 1976.
31. Лелеков Л. А. Индоиранская идеология между первобытностью и раннеклассовым обществом (по материа-

лам Ригведы и Авесты) // Идеологические представления древнейших обществ. — М., 1980.

32. Лелеков Л. А. Авеста в современной науке. — М., 1992.

33. Авеста в русских переводах (1861–1996) / сост., общ. ред., примеч., справочный раздел И. В. Рака. — 2-е изд., испр. — СПб., 1998.

34. Елизаренкова Т. Я. «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. — М., 1989.

35. Елизаренкова Т. Я. Мир идей Ариев Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII. — М., 1999.

36. Елизаренкова Т. Я. О Some в Ригведе // Ригведа. Мандалы IX–X. — М., 1999.

37. Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи в Ригведе. — М., 1999.

38. Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. Мир вещей по данным «Ригведы» // Ригведа. Мандалы V–VIII. — М., 1999.

39. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. — М., 1974.

40. Дьяконов М. М. Очерк истории Древнего Ирана. — М., 1961.

41. Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. — СПб., 2008.

42. Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоевропейцев в свете новейших археологических открытий. — М., 1977.

43. Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. — Фрунзе, 1986.

44. Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии?. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. — М., 1994.

45. Кузьмина Е. Е. Предыстория Великого шелкового пути: Диалог культур Европа — Азия. — М., 2010.

46. Генинг В. Ф. Могилиник Синташта и проблемы ранних индоиранских племен // Советская археология (СА). — 1977. — № 4.

47. Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. — Челябинск, 1992.

48. Аркаим: исследования, поиски, открытия. — Челябинск, 1995.

49. Епимахов А. В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. — Челябинск, 2002.

50. Кирюшин Ю. Ф. Культ коня у народов Казахстана и Западной Сибири в древности // Валихановские чтения. — Кокшетау, 1992.

51. Михайлов Ю. И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири. — Кемерово, 2001.

52. Шилов Ю. А. Прародина ариев. История, обряды и мифы. — Киев, 1995.

53. Молодин В. И. Наскальное искусство Северной Азии: проблемы изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (19). — Новосибирск, 2004.

54. Клейн Л. С. История археологической мысли. — СПб., 2011. — Т. II.

55. Бледнова Н. С., Вишняцкий Л. Б., Гольдшмидт Е. С., Дмитриева Т. Н., Шер Я. А. Первобытное искусство: проблема происхождения. — Кемерово, 1998.

56. Дэвлет М. А. Человек и его место в системе мироздания (по материалам петроглифов бассейна Верхнего Енисея) // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. — Кемерово, 2012.

57. Дэвлет Е. Г. Антропоморфные наскальные изображения в рентгеновском стиле и мифологический сюжет об обретении шаманского дара // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (2). — Новосибирск, 2000.

58. Савинов Д. Г. Некоторые аспекты теоретического осмысления петроглифов (по материалам Центральной Азии и Южной Сибири) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (38). — Новосибирск, 2009.

59. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. — М., 1980.

60. Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). — М., 1975.

61. Молодин В. И. Еще раз о датировке Турочакских писаниц // Культура древних народов Южной Сибири. — Барнаул, 1993.

62. Молодин В. И. Наскальное искусство Северной Азии: проблемы изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (19). — Новосибирск, 2004.

63. Окладников А. П. Вступительная статья // Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. — М., 1980.

64. Sturrock J. Structuralism. — L., 1993.

65. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. — М., 1994.

66. Островский А. Б. Мифология и верования нивхов. — СПб., 1997.

67. Дашковский П. К. Некоторые аспекты структуралистского подхода К. Леви-Стросса к изучению феномена «mentality» // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. — Барнаул, 2001.

68. Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. — Абакан, 2006.

69. Антонова Е. В., Раевский Д. С. Археология и семиотика // Структурно-семиотические исследования в археологии. — Донецк, 2001. — Т. I.

70. Финм В. К. Семиотика // Философский энциклопедический словарь. — М., 1989.

71. Розин В. М. Семиотические исследования. — М., 2001.

72. Островский А. Б. Обоснование антропологии мышления // Леви-Стросс К. Путь масок. — М., 2000.

73. Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы на юге Западной Сибири (Нижнее Притомье и сопредельные регионы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 1995.

74. Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая. — Новосибирск, 2001.